

Роман Буряков

A man with short brown hair, wearing a green button-down shirt and brown trousers, sits on a wooden bench in the foreground. He is looking off to the side with a contemplative expression. The scene is set in a village during a heavy rain. In the background, there is a two-story wooden church with a dark roof and a small golden onion dome topped with a cross. The church's windows are lit from within, casting a warm glow. A wooden barrel stands near the church's entrance. To the right, a broom leans against the bench. The wet pavement reflects the lights from the church and the ambient light of the rainy day. The overall mood is somber and reflective.

Семь жизней до рассвета

Роман Буряков

Семь жизней до рассвета

«Автор»

2026

Буряков Р.

Семь жизней до рассвета / Р. Буряков — «Автор», 2026

Каждое утро Глеб Петров просыпается с пустотой в голове. Он не помнит вчерашнего дня, но хранит воспоминания о семи прошлых жизнях — от римского легионера до строителя пирамид. Единственный якорь, удерживающий его в реальности, — запись в базе данных Дома культуры, где он работает системным администратором. Но однажды система выдает ошибку: «Пользователь не найден». Глеба стирают из цифрового мира, и вместе с ним исчезают голоса прошлого, оставляя оглушительную пустоту. На грани небытия он встречает странного дворника, который видит в нем не ошибку системы, а душу, потерявшую себя в лабиринте чужих судеб. Чтобы обрести себя заново, Глебу придется пройти путь от отчаяния к вере и понять: личность — это не набор цифр в компьютере, а нечто гораздо более ценное, что нельзя стереть никаким паролем. «Семь жизней до рассвета» — психологическая драма о поиске идентичности, силе памяти и исцеляющей тишине, в которой мы наконец слышим себя настоящих.

© Буряков Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вход разрешён	5
Глава 2. Чужой терминал	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Роман Буряков

Семь жизней до рассвета

Глава 1. Вход разрешён

Звук был резким, металлическим, похожим на удар копья о щит. Глеб открыл глаза и понял, что это всего лишь будильник. Старый механический будильник "Слава" стоял на тумбочке и содрогался всем корпусом, будто отбивался от невидимого врага. Глеб протянул руку, нащупал кнопку сверху, нажал. Тишина ударила в уши с такой силой, что он на мгновение оглох. Потом тишина заполнилась гулом. Гулом голосов. Тысяч голосов, которые говорили одновременно на разных языках.

Он сел на кровати. Простыни были мятыми, сероватыми от старости, и пахли тем особенным запахом, который бывает только в дешёвых домах — смесь сырости, сухого хлеба и давно выкуренного табака. Глеб повернул голову к зеркалу. Оно висело на двери старого шифоньера, чуть криво, так что левый край уходил вверх. Он встал, подошёл ближе. В зеркале отражался мужчина лет тридцати семи, с тёмными волосами, которые давно не видели ножниц, с лёгкой щетиной на щеках и с глазами, в которых не было ни узнавания, ни страха. Только пустота. Огромная, как степь, которую он переходил в тысяча двести сороковом году, когда татары гнались за ним трое суток.

Он провёл ладонью по своему лицу. Кожа была тёплой, живой. Пальцы чувствовали каждую пору, каждую неровность, каждую щетинку, которая начала пробиваться на подбородке. Но лицо было чужим. Он знал, как выглядел Наполеон в молодости, когда тот стоял на холме в Италии и разглядывал свои войска. Он знал, как выглядела его мать в прошлой жизни, в Петербурге восемнадцатого века, с её строгим взглядом и ровной, длинной черной косой. Он знал, как выглядел он сам в позапрошлой жизни, когда был римским легионером и отражал атаку германцев на Рейне. Но это отражение, этот человек в зеркале — он не знал его. Он смотрел на него как на портрет незнакомца, висящий в чужом доме.

Глеб отвернулся и пошёл на кухню. Ноги двигались сами. Он знал, что надо обойти скрипучую доску возле кровати, что надо пригнуться в дверном проёме, хотя дверной проём был высоким и пригибаться не требовалось. Тело помнило то, что голова уже стёрла. Тело помнило всё. Тело было единственным хранилищем, которому он мог доверять.

Он открыл холодильник. Старый "ЗИЛ" гулко выдохнул тёплым воздухом. На полках стояли банки с соленьями, пачка масла, бутылка кефира, начатая ещё вчера, и несколько яиц. Глеб посмотрел на эти продукты и не понял, зачем он их купил. Он не помнил, когда ходил в магазин. Не помнил, как выбирал масло. Не помнил, сколько это стоило. Он вообще не помнил ничего из того, что случилось с ним за последнюю неделю. А вот то, что случилось сто лет назад — он помнил до мельчайших подробностей.

Он закрыл холодильник. На дверце не было никаких записок. Никаких листочков. Никаких напоминаний. Только старый магнит с надписью "Сочи", который изображал пальмы и море. Глеб посмотрел на этот магнит и вдруг понял, что он никогда не был в Сочи. Но он помнил, как стоял на берегу Чёрного моря в тысяча девятьсот пятом году, когда его сослали туда за участие в беспорядках. Море было холодным, ветреным, и он смотрел на волны и думал о смерти. Это было не Сочи. Это был другой город. Но магнит врал. Магниты всегда вдали.

Он развернулся и пошёл в ванную. Вода из крана шла ледяная. Глеб встал под душ, и холодные струи ударили по затылку, по плечам, по спине. Он закрыл глаза. И в этот момент, как только вода начала стекать по его позвоночнику, его пальцы сами собой начали двигаться. Они нажимали на невидимые кнопки. Левая рука замерла в воздухе, правая — чуть ниже.

Пальцы выстукивали ритм: A-d-m-i-n-_-1-9-8-8. Он делал это каждое утро, с тех пор как себя помнил. Или не помнил. Это был рефлекс. Спасательный круг. Единственная комбинация, которая никогда не стиралась из его мускульной памяти.

Админ пароль. Admin_1988.

Глеб открыл глаза и выключил воду. Он стоял мокрый, дрожащий, и в его голове нарастал гул. Голоса. Они всегда начинали говорить, когда он просыпался. Сначала шёпотом, потом всё громче.

"Помнишь, как пахло в том поле? — спрашивал голос на латыни. — Помнишь запах крови и мокрой земли?"

"Оставьте меня, — мысленно ответил Глеб. — Я не хочу сейчас об этом."

"А помнишь, как она смеялась? — спрашивал другой голос, на древнегреческом. — Та девушка из Коринфа. У неё были такие светлые волосы, что они светились на солнце."

"Замолчите, — сказал он. — Просто замолчите."

Но голоса не замолкали. Они спорили между собой. Латынь сталкивалась с древнегреческим, старославянский перебивал арамейский, и все они звучали одновременно, как хор, который не может найти одну ноту. Глеб вышел из душа, вытерся серым полотенцем, натянул на себя джинсы и старый свитер. Он даже не посмотрел на себя в зеркало в ванной. Он знал, что там снова увидит чужое лицо.

На кухне он заварил чай. Просто опустил пакетик в кружку и залил кипятком. Чай получился жидким и бледным. Он сделал глоток, обжёг язык, но не почувствовал боли. Вообще он редко чувствовал боль в последнее время. Боль была воспоминанием. Он помнил, как ему отрубили палец в Египте, помнил, как ему пробили плечо стрелой под Аустерлицем. А вот порезаться бумагой или обжечься чаем — это было слишком мелко для его огромной памяти.

Он вышел из квартиры. Захлопнул дверь и стал спускаться по лестнице. На втором этаже ему встретилась тётя Зина. Она стояла у своей двери, в халате, с бигудями на голове, и держала в руках мусорное ведро.

— Глебушка, ты куда так рано? — спросила она, и её голос прозвучал как скрип несмазанной петли.

Глеб остановился. Он посмотрел на неё. Её лицо было круглым, морщинистым, с маленькими, почти прозрачными глазами. Он знал, что она живёт в тридцать второй квартире. Он знал, что она работает в бухгалтерии какого-то завода. Он знал, что у неё есть попугай жако. Но он не помнил, как её зовут. Он не помнил, как долго она живёт в этом доме. Он не помнил, обращалась ли она к нему по имени раньше.

— На работу, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — В ДК.

— Ой, а ты помнишь, что у нас сегодня свет отключают? — спросила она. — С утра до обеда. Так что ты там, на своём компьютере, не сиди, а то вдруг вырубят.

— Запомню, — сказал Глеб и улыбнулся. Улыбка вышла натянутой, как струна.

Он прошёл мимо неё, вышел из подъезда и вдохнул холодный утренний воздух. Небо было низким, серым, похожим на мокрую вату. Где-то вдалеке кричали вороны. Их крик был резким, почти истеричным, и Глебу показалось на мгновение, что он слышит в этом крике голоса своих прошлых жизней. Но он тряхнул головой, отогнал наваждение и пошёл к остановке.

Автобус был старым, жёлтым, с ободранными сиденьями. Глеб сел у окна и уставился в мутное стекло. Город проплывал мимо: серые панельные дома, рекламные щиты, грязные лужи на асфальте. Он смотрел на всё это и не узнавал ни одной улицы. Ни одного перекрёстка. Ни одного магазина. Но он вдруг вспомнил, как в тысяча девятьсот пятнадцатом году он ехал в таком же трамвае по Петрограду, и рядом с ним сидела женщина с ребёнком на руках, и она плакала, потому что её мужа забрали на войну. Он помнил запах того трамвая: запах керосина, мокрых шинелей и страха. Тот запах был реальнее, чем запах этого автобуса.

Он закрыл глаза и прошептал: — Я Глеб Петров. Я еду в Дом культуры имени Горького. Я работаю системным администратором.

Слова повисли в воздухе и улетели, как птицы. Он не поверил им. Он никогда не верил им. Но он знал, что должен их говорить, иначе он растворится совсем. Иначе голоса внутри него сожрут его текущее "я", как саранча сжирает урожай.

Дом культуры имени Горького был громоздким зданием из красного кирпича. Когда-то здесь был купеческий особняк, потом клуб, потом кинотеатр, а теперь — просто ДК, в котором по вечерам занимались кружки балльных танцев и вязания. Глеб подошёл к служебному входу, достал из кармана ключ и открыл дверь. Внутри пахло пылью, лаком и чем-то сладковатым, похожим на старые духи.

Он прошёл через длинный коридор, где на стенах висели портреты советских писателей, и свернул в маленькую комнату без окон. Это была серверная. Здесь стояли четыре допотопных компьютера, в углу гудел системный блок, а на столе стояла кружка с остатками кофе, который, кажется, не выпили с прошлой недели.

Глеб сел за свой компьютер. Монитор был толстым, квадратным, с выцветшей матрицей, которая показывала зелёный оттенок вместо нормального белого. Он нажал кнопку включения. Компьютер загудел, заскрипел, зашуршал, как старик, поднимающийся с кресла. Через минуту загрузилась операционная система.

Глеб открыл базу данных. Это была самописная программа, которую он, кажется, создал сам несколько лет назад. Он не помнил, как её создавал. Он помнил только логин и пароль. Единственное, что держало его в этом мире.

Он ввёл в строку поиска: "Петров Глеб Алексеевич". Система подумала секунду и выдала карточку. Фото. Мужчина с короткой стрижкой, в синей рубашке, без улыбки. Глеб вгляделся в лицо. Оно было похоже на того человека из зеркала, но чуть моложе, чуть свежее. Имя: Глеб Алексеевич Петров. Дата рождения: двенадцатое мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Место рождения: Ленинград. Должность: системный администратор. Отдел: информационные технологии. Дата приёма на работу: третье сентября две тысячи четырнадцатого года.

Глеб читал эти строчки и чувствовал, как внутри него что-то успокаивается. Голоса затихали. Шёпот превращался в отдалённый гул. Он был реальным. Он существовал. Он был в системе. В системе были его цифры, его буквы, его даты. И это значило, что он есть.

— Я есть, — сказал он вслух, и его голос дрогнул. — Я есть, потому что система меня помнит.

Он перечитал карточку ещё раз. Потом ещё раз. И ещё. Он запоминал каждое слово, каждую цифру, каждую запятую. Он знал, что через час они начнут стираться из его головы, что голоса снова начнут кричать, что он снова не узнает своего лица. Но сейчас, в эту секунду, он был Глебом Петровым. Он был тем, кто родился в Ленинграде, кто работает в ДК имени Горького, кто носит свитер и пьёт жидкий чай по утрам.

Он закрыл базу данных и откинулся на спинку стула. В серверной было темно и тесно. Единственный источник света — экран монитора — освещал его лицо холодным зелёным светом. Глеб сидел и слушал, как гудит системный блок. Гудение было ровным, монотонным, успокаивающим. Оно напоминало ему шум моря. Но он не знал, какого именно моря. Может быть, того, на котором он тонул в восемнадцатом веке. Может быть, того, которое он видел во сне.

За дверью слышались шаги. Кто-то шёл по коридору. Шаги были быстрыми, уверенными. Глеб насторожился. Он знал, что в ДК работают люди. Он знал, что у них есть имена и лица. Но он не помнил ни одного имени и ни одного лица. Дверь открылась, и на пороге появился молодой мужчина лет двадцати пяти. На нём был голубой свитер и светлые джинсы. На груди висел бейдж с надписью "Андрей Викторович".

— Глеб, ты уже тут? — спросил молодой человек. — Отлично. Принтер в сто двенадцатом кабинете опять не печатает. Пойди посмотри, а то там заведующая уже второй день орёт, что у неё отчёт горит.

Глеб посмотрел на лицо Андрея Викторовича. Оно было круглым, розовым, с бледными глазами и жидкими бровями. Глеб знал, что он должен знать этого человека. Он должен знать его имя, его должность, его привычки. Но перед ним было просто пустое место. Пятно на карте его памяти. Он перебрал все свои воспоминания — все до единого, — но среди них не было ни одного, где фигурировало бы это лицо.

— Принтер, — повторил Глеб, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — В сто двенадцатом. Я посмотрю.

— Спасибо, Глеб, ты мой спаситель, — сказал Андрей Викторович и хлопнул его по плечу. — А то заведующая меня уже съела. Если принтер не заработает, она мне голову оторвёт. Ладно, я побегал, у меня совещание.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась, и снова стало тихо. Только гул системного блока и далёкое эхо голосов, которые начинали просыпаться в глубине сознания Глеба. Он закрыл базу данных, встал и пошёл в сто двенадцатый кабинет. Он знал, что должен идти туда. Он знал, что должен починить принтер. Он знал свою работу. Но он не знал себя. И это знание было самым страшным и самым спокойным одновременно.

Он шёл по коридору, и пол под ногами скрипел. Где-то в зале играла музыка. Кто-то разучивал вальс. Глеб слышал звуки фортепиано, и ему показалось на мгновение, что он слышал эту музыку раньше. В другой жизни. В другой стране. Но это было неважно. Сейчас было важно только одно: принтер. И карточка в базе данных. И имя, которое он должен был держать в голове, как горячую картофелину в ладонях.

Он вошёл в кабинет, увидел принтер с зажеванным листом бумаги, и вздохнул. Он подошёл к нему, открыл крышку и начал вытаскивать застрявший лист. Пальцы делали это автоматически. Они знали, как открыть крышку, как нащупать зазубренный край, как потянуть за бумагу, не порвав её. Они делали это сотни раз. Или тысячи. Или миллионы. Память тела была сильнее памяти мозга.

Глеб вытащил бумагу, положил её на стол и закрыл крышку. Принтер зажужжал и замигал зелёным индикатором. Он снова был готов работать. Глеб посмотрел на свою руку, которая лежала на крышке принтера. Он посмотрел на пальцы. Каждый палец был знакомым. Он знал эти пальцы. Он знал, как они выглядели в прошлой жизни, когда он держал копьё. Он знал, как они выглядели в жизни, которая была до той, когда он держал кисть и писал иконы. Но сейчас он не мог узнать эти пальцы.

Он убрал руку и вышел из кабинета. В коридоре было пусто. Музыка стихла. Только тишина и запах тяжелых духов, который витал в воздухе. Глеб пошёл обратно в серверную, сел за компьютер и снова открыл базу данных. Он посмотрел на свою карточку. Глеб Алексеевич Петров. Место рождения: Ленинград. Должность: системный администратор.

— Ты есть, — прошептал он. — Ты есть, потому что я тебя вижу.

Он нажал "сохранить" и закрыл программу. Потом откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Голоса внутри него затихли, уступая место тишине. Но он знал, что это ненадолго. Что завтра утром он снова проснётся с пустотой в голове и снова будет искать себя в этой базе данных. Что завтра он снова будет читать своё имя, как чужую книгу. И что каждый раз он будет бояться, что однажды его там не окажется.

Но пока он сидел в серверной, слушал гул системного блока и чувствовал под пальцами шершавую клавиатуру, он был спокоен. Он был Глебом Петровым. И этого было достаточно. На сегодня. На эту минуту. На эту секунду.

Глава 2. Чужой терминал

Глеб сидел в серверной уже третий час. Время здесь текло иначе, чем снаружи. Здесь не было окон, не было солнца, не было смены дня и ночи. Только зеленоватый свет монитора, ровный гул системных блоков и запах нагретого пластика, смешанный с озоном. Глеб любил этот запах. В нём не было воспоминаний. Никаких ассоциаций с прошлыми жизнями, никаких голосов, никаких криков. Только чистая, стерильная пустота, которую он мог заполнить работой.

Но работа сегодня не шла. Глеб смотрел на экран, где была открыта таблица с сетевыми настройками, и не понимал, что он должен делать. Цифры и буквы плыли перед глазами. Он знал, что где-то в глубине его мозга хранится инструкция по настройке этого оборудования, но добраться до неё было невозможно. Вместо неё всплывали другие инструкции. Как поменять тетиву на арбалете. Как развести костёр без спичек. Как определить съедобный гриб от ядовитого. Тысяча и одна инструкция для семи жизней, но ни одной — для этой.

Он попытался вспомнить, что делал вчера после обеда. Может быть, он ушел пораньше с работы. Может быть, он ходил в кино. Может быть, он разговаривал с кем-то. Он закрыл глаза и напряг память. Ничего. Только шум, похожий на радиопомехи. Потом шум превратился в голоса. Они всегда начинали говорить, когда он пытался вспомнить что-то из настоящего. Голоса были как живые существа, которые ревностно охраняли прошлое и не пускали его в сегодняшний день.

"Ты помнишь, как пахло в том лагере?" — спросил голос на латыни. "Ты помнишь, как мы стояли у стен Каффы? Ветер дул с моря. Ты чинил баллисту, а я держал веревку. Мы были молоды. Мы не знали, что умрём через три дня от чумы".

Глеб открыл глаза. Голос не замолк. Он стал громче.

"Ты помнишь, как скрипело дерево? Как натягивалась тетива? Как пахло маслом, которым ты смазывал шестерни? Ты помнишь, как мы смотрели на стены города и думали, что возьмём его завтра? Мы не взяли. Мы умерли. Но ты помнишь, правда?"

Глеб провёл ладонью по лицу. Пальцы были холодными. Он чувствовал, как они дрожат. Он знал, что должен остановить этот голос. Что должен заткнуть его, как затыкают протекающий кран. Но как это сделать? Только одно помогало. Только один якорь держал его в этом мире.

Он снова открыл базу данных. Пальцы сами нашли нужные клавиши. Он ввёл логин и пароль, хотя в этом не было необходимости — он уже был авторизован. Он просто хотел увидеть свою карточку. Снова. Как молитву. Как заклинание. Как спасательный круг, за который можно ухватиться в бушующем море чужих жизней.

Карточка открылась. Фото. Глеб Алексеевич Петров. Дата рождения: двенадцатое мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Место рождения: Ленинград. Должность: системный администратор. Отдел: информационные технологии. Дата приёма на работу: третье сентября две тысячи четырнадцатого года.

Он начал читать вслух. Голос его звучал хрипло, как будто он давно не говорил.

— Глеб Алексеевич Петров, — произнёс он, и каждое слово падало в тишину серверной, как камешек в колодец. — Место рождения: Ленинград. Должность: системный администратор.

Голос на латыни стал тише. Он превратился в шёпот, потом в отдалённый гул. Глеб продолжал читать:

— Дата приёма на работу: третье сентября две тысячи четырнадцатого года. Табельный номер: семнадцать-два-восемьдесят один.

Он знал этот табельный номер наизусть. Он помнил его так же хорошо, как помнил свой пароль. Но если пароль он помнил телом, то табельный номер — он помнил только как набор цифр. Без лица, без истории, без запаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.